

Makale Türü/Article Type: Araştırma Makalesi/Research Article

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА: МЕЖДУ ПАМЯТОВАНИЕМ¹ И ЗАБВЕНИЕМ

Samir Hamidovich KHOTKO²

Аннотация

Статья посвящена анализу того, как два больших нарратива, описывающих историко-культурное наследие Северо-Западного Кавказа, — кубанский и адыгский, — используют стратегии памятования и забвения. Индивидуальная и коллективная память (социальная память, политическая память) не только находится в ментальной взаимосвязи с забвением — они совместно определяют ритмы нашего сознания. Более того, не памятование, а забвение служит основным модусом жизни человека и общества. Забвение — это обобщающее название для значительного ряда стратегий, направленных на умолчание, утаивание, стирание, переписывание, утрату. Но также забвение делает возможным неполное утаивание прошлого, его возвращение в индивидуальную и коллективную память (Рикёр). Очень важно понять не только то, как устроена память и происходит памятование, но и как забвение формирует нашу историческую память. Обращение к забвению неизбежно при исторической травме, которая расщепляет память победителей и побежденных. Классики теории исторической памяти отмечают, что побежденные пишут историю лучше, чем победители: их историография оказывается более сложной и содержательной. Государственный, официозный нарратив объективирует событие так, что протекание его описывается правильно, а значение и контекст полностью игнорируются. Историческая травма 1864 г. оказалась сильнее конструкций навязанной политической памяти. Наличие сильного общего переживания, вызванного войной и этническими чистками, сплавляет людей сильнее триумфов и границ (Ренан, Ассман). Кубанское историко-культурное наследие формируется через прямые операции утаивания и игнорирования, которые порождают мифологию пустоши, ничейной земли. Современная политика памяти не должна находиться в неприкрытом конфликте с историей (как областью научного знания) и обязана предоставлять видное место локальным и групповым историям в общей истории.

Ключевые Слова: Историко-культурное наследие, Историческая память, Историческая травма, Забвение разрушающее и сохраняющее, Мифология пустоши.

KUZEYBATI KAFKASYA'NIN TARİHİ VE KÜLTÜREL MİRASI: HAFIZA VE UNUTMA ARASINDA

Öz

Makale, Kuzevbatı Kafkasya'nın tarihi ve kültürel mirasını anlatan iki büyük anlatının -Kuban ve Adige-hafıza ve unutma stratejilerini nasıl kullandığının analizine ayrılmıştır. Bireysel ve kolektif hafıza (toplumsal hafıza, siyasi hafıza) sadece unutuşla zihinsel bir ilişki içinde değildir - bilincimizin ritimlerini birlikte belirlerler. Dahası, insan

¹ Памятование, сохранение, удержание в памяти чего-л. «Прямо Конт говорит только об “идеальном воскресении”, — в памяти или вечном памятовании, в культе умерших, всего больше — в единодушии и единомыслии сменяющихся поколений с отошедшими» (Флоровский, 417).

² Самир Хамидович Хотко, доктор исторических наук, заведующий отделом этнологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, 385000, Россия, Республика Адыгея, Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13. Тел.: (8772) 52-16-23, e-mail: inalast@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5097-5864.

Bu Yaşma Atıfta Bulunmak İçin/Cite as: Khotko, S. H. (2024). Историко-Культурное Наследие Северо-Западного Кавказа: Между Памятованием и Забвением / Kuzevbatı Kafkasya'nın Tarihi ve Kültürel Mirası: Hafıza ve Unutma Arasında. *Düzce Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 14(Özel Sayı), 172-184.

Makale Geliş Tarihi: 06.11.2024

Makale Kabul Tarihi: 14.11.2024

ve toplum için yaşamın temel biçimini hatırlanma değil, unutma oluşturur. Unutma, sessizliği, gizlemeyi, silmeyi, yeniden yazmayı, kaybetmeyi amaçlayan önemli sayıda stratejinin genel adıdır. Ancak unutma, geçmişin eksik gizlenmesini, bireysel ve kolektif hafızaya geri dönülmesini de mümkün kılar (Ricoeur). Sadece hafızanın nasıl işlediğini ve hatırlamanın nasıl gerçekleştiğini değil, aynı zamanda unutmanın tarihsel hafızamızı nasıl şekillendirdiğini anlamak da çok önemlidir. Tarihi travma ile unutmaya dönüş kaçınılmazdır; bu da galiplerin ve mağlupların hafızasını böler. Tarihi hafıza teorisinin klasikleri, mağlupların tarihi galiplerden daha iyi yazdıklarını belirtir: Onların tarih yazımı daha karmaşık ve anlamlıdır. Devletçi, resmi anlatı, olayları gidişatının doğru bir şekilde tanımlanacağı şekilde nesnelleştirir, ancak anlam ve bağlam tamamen göz ardı edilir. 1864'ün tarihi travması, dayatılan siyasi hafızanın yapılarından daha güçlü olarak varlığını sürdürdü. Savaş ve etnik temizliğin neden olduğu güçlü bir ortak deneyim, insanları zaferlerden ve sınırlardan daha fazla birleştirir (Renan, Assmann). Kuban tarihi ve kültürel mirası, bir çoraklık veya terra nullius mitolojisine yol açan doğrudan gizleme ve görmezden gelme operasyonları aracılığı ile ortaya çıktı. Modern hafıza politikası, tarihle (bilimsel bilgi alanı olarak) açık bir çatışma içinde olmamalı ve genel tarihte yerel ve grup tarihlerine önemli bir yer sağlamalıdır..

Anahtar Kelimeler: Tarihi ve kültürel miras, Tarihsel bellek, Tarihsel travma, Yıkıcı unutma, Korunan unutma, Boş toprak mitolojisi.

Введение

Исторический регион «Северо-Западный Кавказ», в пределах которого находятся современные административные образования Краснодарский край (Кубань) и Республика Адыгея, а также большая часть Карачаево-Черкесии, относится к числу территорий со сложной и потенциально конфликтной исторической памятью. Народы, населяющие эту землю, наделяют ее своей культурной топологией и нарративами. История, мыслимая как некое общее достояние, распадается на отдельные истории и превращается «в поле бесконечных символических конфликтов»(Малинова, 7).

В этой статье мы попытаемся провести анализ двух больших нарративов, описывающих историко-культурное наследие (далее будем пользоваться сокращением ИКН) Северо-Западного Кавказа, — кубанского и адыгского. Карачаевские представления об ИКН Карачаево-Черкесии в этой статье не рассматриваются. Отметим только, что мейнстримный дискурс карачаевской историографии связан с «установлением» происхождения от аланов и категорическим нежеланием изучать очевидную связь с крымскими татарами (Шнирельман, 443, 459).

Генезис понятия *наследие* неразрывно связан с веком Просвещения. В середине и во второй половине XVIII в. на фоне резко возросшего интереса к античному наследию, которое подпитывали многочисленные травелоги³ британцев и французов, посещавших Грецию и страны, где когда-то процветала эллинистическая культура, возникает почтительное и даже благоговейное отношение к собственному историческому прошлому. После массовых разрушений памятников, музеев и библиотек революционными французами, западноевропейские интеллектуалы пришли к убеждению, согласно которому цивилизованный человек не может вести себя подобным образом. «Только варвары и рабы, — писал в 1794 г. аббат А. Грегуар⁴, — ненавидят науки и разрушают памятники искусства. Свободные люди любят их и оберегают их» (Swenson, 34). К началу XIX в. умышленное уничтожение памятников культуры осуждалось как «преступление против человечности» и «разрыв с сообществом культурных народов» (Ассман/2019, 39).

В Российской империи эту условную хронологическую границу можно с некоторыми основаниями отнести к 1900 году. Колонизация бывших адыгских земель сопровождалась тотальным стиранием следов прежнего населения (прежде всего, некрополей) (Каменев, 161), а также дольменов, которые воспринимались как символы автохтонной кавказской культуры(Талицкий, 95–96; Уварова, 19–55). Это не удивительно, поскольку «война» с памятниками сопутствует экофобным практикам колониальной повседневности (Дмитриев, 107). Популяция кавказского зубра после 1864 г. продержалась менее 60 лет (Верещагин, 379–380; Калугин, 4).

---

³ В этой связи А. Ассман обращает внимание на фигуру Роберта Вуда (1717–1771), открывшего для европейцев храм Пальмиры. «Его любовь к греческой культуре, истории и искусству значительно повлияла на формирование европейской культурной памяти; его энтузиазм послужил важным импульсом для становления европейского культурного сознания» (Ассман/2019, 105).

⁴ Анри Грегуар (1750–1831) — католический священник и революционный лидер; внедрил термин «вандализм» применительно к уничтожению собственности и памятников культуры, которые имели место в период террора и происходили не только стихийно, но и по распоряжениям властей. А. Грегуар считается одним из основоположников идеи сохранения культурного наследия. *Прим. С.Х.*

В виду почти полного этнического замещения, произошедшего в историческом ареале расселения адыгов в 1774–1864 гг., наследие адыгской культуры и истории оказалось заслонено сформированным в целях колонизации бывших адыгских земель полиэтническим населением Кубанской и Терской областей. Э.А. Шеуджен подчеркивает одно из ключевых обстоятельств, которое влияет на формирование исторической памяти адыгов: «Деформирующее влияние на историческую память не мог не оказывать массовый “исход” коренного адыгского населения<...>переселенцы, вынужденные буквально “по живому” порывать исторические связи с родиной, “унесли на подошвах ног” значительную часть памяти» (Шеуджен, 131). После 1864 г. история адыгов, если воспользоваться словами А. Ассман, «перестала зримо присутствовать в публичном пространстве», будучи заслоненной материальным наследием пришлого населения (Ассман/2019, 138). Новое население выработало привычку не замечать следов прежних жителей.

В большинстве кубанских исторических сочинений, авторы которых вынужденно должны уделить хоть какое-то внимание адыгскому ИКН, со всей очевидностью проявляется стремление к *примитивизации контента* (отсутствие связи с древними культурами, набеги и работоторговля, происки англо-турецкой агентуры, самоизгнание адыгов в 1864 г.).

В целом, историография этого рода по-прежнему базируется на ориенталистских и имперских клише. Превалирующая тенденция — смотреть на весь мир за пределами стран ядра мир-системы («Запада») как на нечто варварское, доцивилизационное, странное, вызывающее усмешку (Вульф, 8–9, 317–346). В роли «конституирующего иного» не только для Запада, но и для друг друга выступали страны Восточной Европы, Турция, Россия, арабо-мусульманский мир, Индия. В основе этого отношения вполне осознанные определения иной культуры как примитивной, одинаковой (все члены определяемой таким образом группы — люди простые, не обладающие интеллектуальным потенциалом, «не способные к самостоятельной жизни») (Сапольски, 357). Само введение подобного ранжирования (развитые/примитивные, истинно верующие/вероотступники и т.п.) является средством контроля, властвования (Дарнтон, 225, 227).

Адыгский нарратив и адыгская топология кубанского (северо-западно-кавказского) культурного пространства предаются забвению, подвергаются манипуляциям, направленным на умолчание, сокрытие, стирание и даже полную утрату. Исследовательский вопрос этой статьи состоит не в том, какие усилия современное интеллектуальное общество прилагает для сохранения и увеличения объема знаний об адыгском ИКН, а в том, какое парадоксальное воздействие здесь оказывает забвение.

Историческая память и забвение в контексте репрезентации культурного наследия

То, что мы помним и предлагаем помнить другим, всегда является знанием не полным и несовершенным. Память, как это убедительно продемонстрировал А. Бергсон, это многократно повторяющийся акт интерпретации (Лебедева, 65). Предзаданной памяти не существует, а память каждого поколения трансформирует память предшествующего времени: дети переосмысливают опыт отцов, а заодно и отцовское понимание прошлого. «Поэтому, — как писал Г.Ф. Крейцер (1771–1858), — историю следует пересматривать и заново пояснять каждому новому поколению прогрессирующего человечества» (Козеллек/2016, 164). «Память, — отмечал П. Нора, — это жизнь, носителями

которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии» (Франция, с. 20).

Ю. Сафронова отмечает, что нарочитое официозное памятование является неотъемлемой частью политического процесса. Исследовательница приводит тезис Г. Хирша о том, что «контроль над памятью является формой власти» (Сафронова, 192). Выдающийся российский исследователь исторической памяти А. Миллер отмечает, что особенностями исторической политики, проводимой государством, «являются *конфронтационность и монологичность*: прошлое превращается в оружие борьбы на внутри- и внешнеполитическом фронте» (Сафронова, 200–201). При этом, официальная политика памяти опирается не столько на историю, сколько на ее *актуализированную* версию: «репертуар исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами, в той или иной мере значимыми для современных политических и культурных практик» (Малинова, 32). Очевидно, что элементы политической памяти не выдерживают, в большинстве своем, исторического анализа, а между мифологизацией прошлого и его научным познанием существует несовместимость (Ассман/2014, 42).

Политика памяти, как совершенно справедливо полагает А. Миллер, не «должна находиться в неприкрытом конфликте с историей как областью научного знания»; но обязана предоставлять «видное место локальным и групповым историям в общей истории (при столкновении групповой, в особенности этнической, истории с общей, если они находятся в непримиримом противоречии или групповая история не находит отражения в общей, групповая история неизменно выходит победителем» (Миллер, 104–105).

Видя избирательность и неполноту памяти, мы не должны торопиться сетовать на недостаточную, по нашему убеждению, представленность в современном общественном дискурсе важных страниц истории и связанных с ними материальных следов. Фундаментальный процесс, формирующий картину истории — взаимодействие памяти и забвения. Понять, что есть индивидуальная и коллективная память (социальная память, политическая память) А. Ассман предлагает в ментальной взаимосвязи с забвением: «Памятование⁵ столь тесно сопряжено с забвением потому, что они вместе определяют ритмы нашего сознания» (Ассман/2019, 15). Более того, «не памятование, а забвение служит основным модусом жизни человека и общества» (Ассман/2019, 28). *Ars oblivionis* или «искусство забвения» предстает как двойник *ars memoriae* — «искусства памяти» (Рикёр, 573).

Обычное понимание забвения отталкивается от слова память, находится к нему в оппозиции. «Оба понятия тяготеют к порождению дальнейших оппозиций: забвение — памятование, плохо — хорошо, просто — трудно, даром — дорого, быстро — медленно, бессознательно — осознанно» (Ассман/2019, 12). Именно эта четкая парадигма, свойственная мышлению и языку, объясняет нам, почему так долго исследователи были полностью сосредоточены на памяти, зачастую не отдавая себе отчета в том, что не бывает памяти без

---

⁵ Термин именно в таком виде предложен переводчиком монографии А. Ассман Б.Н. Хлебниковым, выдающимся советским и российским переводчиком с немецкого, французского и английского языков. Предшествующее издание Ассман на русском языке («Длинная тень прошлого», 2014, также в переводе Хлебникова) содержит только термин память (Ассман/2014).

толики забвения. Одна барочная эмблема весьма наглядно демонстрирует нам идею неразрывности памятования и забвения. Композиция состоит из книги на облаке, из которого проливается знание в виде дождя; под облаком стоит узкогорлый сосуд, символизирующий память. Суть эмблемы заключена в развернутой ленте: «Наибольшая часть утрачивается» (Ассман/2019, 13).

Виды забвения (по Ассман): стирание, прикрытие, сокрытие, умолчание, переписывание (палимпсест), игнорирование, нейтрализация, отрицание и утрата. Ф.Г. Юнгер предложил различать два типа забвения: один из них сопряжен с утратой, другой — с сохранением. Этот последний тип «сохраняет мысль и позволяет вернуть ее для размышлений» (Ассман/2019, 15). «Все помысленное и вспомненное, то есть все возвращающееся, было в сохранности (in Verwahrung), было в забвении» (Юнгер, 43). П. Рикёр также говорит о двух забвениях: разрушающем и сохраняющем: «Быть может, в этом состоит объяснение часто ускользавшего от внимания парадокса хайдеггеровского текста⁶, — забвение-то и делает возможной память. Именно спрошлым как бывшим связывается это забвение, которое, как нам говорит Хайдеггер, обуславливает воспоминание. Мы понимаем видимый парадокс, если подразумеваем под забвением имемориальный ресурс, а не беспощадное разрушение» (Рикёр, с. 611, 613). Таким образом, забвение рассматривается не как абсолютная утрата, а как «затаивание прошлого, потенциально присутствующего в памяти» (Лебедева, 52–53).

«Помнить, нельзя забыть» или «забыть, нельзя помнить»

Эта дихотомия исторической памяти сопутствует индивиду и обществу, определяя степень их адаптивности к социально-политическим изменениям. Те, в свою очередь, в значительной мере определяются коллективной памятью. Расставляя запятые, мы распоряжаемся своей и чужой историей. «Посредством забвения, — подчеркивает Г.В. Лебедева, — память об определенных событиях одновременно замалчивается, делается недоступной, и проявляет, тем самым, большую власть, нежели в проявленном состоянии» (Лебедева, 64).

Обращение к забвению неизбежно в ситуациях травматических событий, которые многие предпочитают не помнить, подвергают усиленной ревизии, скрывают от последующих поколений. Исторические травмы как-бы расщепляют память победителей и побежденных, разрушая общность с прошлым и, более того, разрушая идентичность. Наши предки были благородными людьми и просто были не способны сотворить подобное масштабное зло, длившееся годами. Таково общее убеждение: люди верят в преимущество своего образа жизни, своей морали, своих законов и религии (Сапольски, 351).

В позднесоветский период для адыгской исторической памяти было характерно состояние забвения всего спектра воспоминаний о фатальном для судьбы этноса заключительном этапе Кавказской войны, который можно условно обозначить в виде даты — 1864 год. Но данный спектр воспоминаний не был стерт полностью. Дореволюционные книги о Кавказской войне (Потто, Дубровин, Щербина, Эсадзе и др.) имели хождение в виде своеобразного «самиздата» (перепечатанных на печатных машинках и переплетенных

---

⁶ Имеется в виду сочинение М. Хайдеггера «Бытие и Время» (Sein und Zeit, 1927). Прим. С.Х.

копий). В гостиных, на доступных постороннему глазу книжных полках, возвышались издания, транслировавшие этатистский миф о «добровольном присоединении». Автор этой статьи весной 1990 г. заполучил на несколько дней оригинал мюнхенского издания Р. Трахо «Черкесы»: запрещенную в СССР книгу из своего сейфа достала Э.А. Шеуджен (декан истфака АГУ в 1989–2007 гг., заслуженный деятель науки РФ).

Очень длительный (для развития историографии) период, занявший большую часть советской эпохи (с 30-х по конец 80-х гг. XX в.), адыгейские интеллектуалы, историки и этнографы, сторонились острых, потенциально формирующих реноме независимого ученого, проблем прошлого⁷. Это отражало скромный политико-правовой статус Адыгейской автономной области, зависевшей даже в мелочах от тех решений, которые принимались в краевом комитете партии. В общем плане, это положение дел соответствовало особому навыку социальной коммуникации — умению «держать язык за зубами». Он был основой нереклексивного социального поведения, которое состояло из тех самых правил, о которых все догадываются, и из «дискурсивных речевых оборотов»(Дерлугьян, 86).

Тем не менее, историческая травма оказалась сильнее конструкций навязанной политической памяти. Наличие сильного общего переживания, вызванного войной, депортацией, этническими чистками сплачивает людей сильнее триумфов и границ. По мнению Э. Ренана, «общие страдания соединяют больше, чем общие радости... траур накладывает обязанности, траур вызывает общие усилия»(Ассман/2014, 66).

Известная сентенция «историю пишут победители» редко подвергается критическому осмыслению. Да, действительно, победители задают направление будущему, а все господствующие в данный момент являются так или иначе наследниками всех, кто когда-либо победил или просто выжил в тяжелых условиях (что сродни победе). Но победители, почти всегда, игнорируют сложности и поражения, поскольку победа списывает все и победителей не судят. В результате, триумфаторская картина прошлого часто превращается в череду успехов, плакат, красивый фолиант. Важным представляется мнение Р. Козеллека о том, что побежденные пишут историю лучше, чем победители, историография побежденных оказывается более сложной и содержательной. В этой связи, он приводит слова П. Бёрка: «Часто говорят, что историю пишут победители. Однако можно сказать, что победители забывают историю. Они могут себе это позволить, а вот побежденным невозможно смириться с прошлым; они обречены размышлять над прошлым, переживать его вновь и рефлексировать об альтернативах»(Козеллек/2004). А. Эткинд очень хорошо показал это коренное отличие в подходах к колониальному опыту: «“Смотреть глазами государства” — значит объективировать событие так, что протекание его описывается правильно, а значение и контекст полностью игнорируются. Напротив, взгляд колонизованного задерживается на смыслах события и намерениях его участников, которые переплетаются в насыщенном, трагичном, срывающемся в панику рассказе» (Эткинд, 288).

---

⁷ Но это поистине унылое состояние оживлялось сторонними интеллектуалами. Так, ошеломляющий успех в адыгейской среде имел роман Баграта Шинкубы «Последний из ушедших», вышедший в свет в самые, что ни на есть, застойные времена (Шинкуба). Для профессиональных историков таким откровением стала монография Г.А. Дзидзария о мухаджирстве абхазов, в которой адыги/черкесы, Адыгея/Черкесия и связанные с ними этнонимы (шапсуги и др.) упомянуты порядка 500 раз (Дзидзария).

В этом отношении высказываются контраргументы, связанные, например, с опасностью впасть в морализаторство, стараясь всеми путями оправдать свою сторону, возложить всю полноту ответственности на победителей. К такой морализаторской дискуссии склонны адыгские интеллектуалы в связи с 1864 годом, тогда как необходима концентрация внимания еще и на причинах самоубийственного сопротивления.

Р. Козеллек объясняет нам механизм взаимосвязи нынешних поколений с масштабным, трагичным и фатальным для адыгского народа периодом так называемой Кавказской войны, который не обязательно должен был иметь столь сокрушительный для Черкесии финал: «Люди ответственны за те истории, в которых оказываются замешаны, независимо от того, лежит ли на них вина за последствия их действий. Нам приходится расплачиваться за *несоизмеримость намерения и результата*, и это придает выражению “делать историю” глубокий и важный смысл»(Козеллек/2004).

Умолчание и сокрытие

На Кубани, то есть именно в таком регионе, «где история находится на службе у формирования идентичности, где история осваивается гражданами и где к ней апеллируют политики» (Ассман/2014, 35), на наших глазах в основных чертах завершился процесс формирования особой (на фоне большинства русских субъектов РФ) политической, квазинациональной памяти. Она неразрывно связана с репрезентацией кубанского ИКН как двух больших глав европейской истории: эллинской и российской. Только эти два доминирующих нарратива заслуживают быть представленными широкой публике и гостям региона. Так, на сайте «Историко-культурное наследие Кубани» мы наблюдаем символы двухпластов— античного и казачьего, что и отражено на заставке сайта»(Некоммерческое).

Таким образом, мы имеем дело с ситуацией, при которой существует признаваемое кубанское наследие, обязательное для памяти, и игнорируемое наследие, подлежащее забвению.

Часто перед нами не просто *селективный подход*, а результат некоего негласного табу, наложенного на ИКН адыгов. Принципиально важно отметить, что данное табу преодолевается до некоторой степени трудом ряда кубанских археологов, историков, этнографов (Н.В. Анфимов, М.Л. Стрельченко, Л.Э. Голубев, И.В. Кузнецов, др.). Но в обобщающих трудах и, в еще более очевидной форме, в кратких официозных и полуофициозных обзорах кубанского наследия стабильно воспроизводится схема из трех пунктов: великое эллинистическое прошлое, полупоэтическое русское княжество Тмутарокань, екатерининское дарение Кубани казакам. Есть еще более усеченные конструкции (Навозова, 10). Кубанским учебникам истории, даже их лучшим образцам (Щетнев; Касьянов/2005; Ратушняк), очевидно недостает таких черт как связанность текста, его внутренняя непротиворечивость и последовательность. Тогда как, упорядоченное изложение является условием и признаком хорошей памяти (Йейтс, 13).

Мифология пустоши

Как известные специалисты, так и начинающие краеведы культивируют идею о том, что Кубань постоянно нуждалась в культуртрегерах и не располагала собственным потенциалом развития. На данной основе сложилась устойчивая *мифология пустоши*. В

предисловии к парадному изданию «Красавица Кубань» адыги не упомянуты ни разу, хотя текст претендует на историчность и в нем упоминаются скифы, греки, казаки, татары и «волны восточных миграций». Но к моменту появления казаков природа Кубани оказывается нетронутой: «дикая степь»; «в степях Прикубанья бродили несметные табуны диких лошадей-тарпанов»; «такой Кубань предстала перед казаками-черноморцами» (Касьянов/2010, 2–3).

Кубанский миф о «пустой земле», о череде племен, которые оставляли после себя пустошь, сопряжен с характерным мифом о «ничейной земле», к которому прибегали все без исключения колониальные империи XIX столетия (Эткнд, 144).

Превращение Черкесии в фигуру умолчания тем более странно, что казачья Кубань немислима без черкески, всего комплекта черкесской одежды и воинского снаряжения, черкесской лошади, которые были апропрированы казаками и офицерской элитой регулярной армии на Кавказе на протяжении первой половины XIX в.⁸ Колонизация Северо-Западного Кавказа привела к «обратной ассимиляции», при которой «доминирование и гегемония не просто принадлежали разным историческим агентам, но развивались в полярных направлениях: силовое доминирование принадлежало Российской империи, а культурная гегемония, наоборот, оставалась за коренным населением и в этом виде разделялась имперскими колонистами и колонизаторами» (Эткнд, 185).

Эллинское наследие Кубани получило недавно очень качественное (в визуальном плане) отражение в крупном томе «Древности Тамани», тексты для которого написаны известными специалистами-археологами (Новичихин). Масштабная панорама тысячелетнего периода греческой колонизации дельты Кубани и западнокавказского лимеса представлена без какого бы то ни было упоминания адыгов (пра-адыгов, пра-абхазо-адыгов, их происхождения, культуры и любых контактов с эллинами). Складывается впечатление, что Таманский полуостров находится не на западной оконечности Кавказа и не в дельте Кубани, а где-нибудь на Балканах.

А.М. Новичихин с соавторами сравнивают греческую и казачью колонизации, но кажется лишь только для того, чтобы поскорее упомянуть казаков: «Подобно древним эллинам, казаки, заселившие...»(Новичихин, 14). Этот прием позволяет сразу «оказачить» Тамань и Кубань, произвести характерный прием апроприации, принятый в кубановедении: на первых страницах издания не должно быть никаких упоминаний адыгов и обязательно должны фигурировать казаки. Курган Ошад и майкопская культура также упоминаются без связи с этногенезом северокавказских народов (Новичихин, 23). Зато с полной уверенностью утверждается мысль о том, что в майкопскую эпоху Северный Кавказ заселен выходцами из Северной Месопотамии (Новичихин, 34). Затем месопотамцы исчезают бесследно. Во II тысячелетии до н.э. авторы поселяют на Тамани и на Кубани протогреков (они же по неизвестной нам «научной» картине были фракийцами и индоариями) (Новичихин, 35). Через несколько страниц утверждается, что Кавказ — родина фракийцев!(Новичихин, 39).

---

⁸ «Вообще все черкесское пользуется уважением и предпочтением между козаками. Да оно и справедливо: “что хорошо выдуманно, то полезно и перенимать”. В похвалу изобретательности и тонкому вкусу черкес следует сказать, что у них, не только воинское снаряжение, но даже земледельческие орудия, не только подсошки при ружье, но соха и вилы на гумне, отличаются легкостью, удобством и приятной отделкой. На самых пустых мелочах, выходящих из их рук, лежит грациозный отпечаток» (Попко, 199).

Авторы монументального труда также отдали должное мифологии пустоши. Описывая основание около 570 г. до н.э. поселения Кепы, они утверждают: «И на западном (европейском), и на восточном (азиатском) его берегах (имеется в виду Керченский пролив, прим. С.Х.) были не занятые никем плодородные земли»(Новичихин, 66). Этой версии событий противоречит само название Кепы (Кѣпѡи «сады»).

Адыгское наследие как палимпсест

А. Ассман прибегает к метафоре палимпсеста, т.е. напластования текстов на пергаменте, при котором существует возможность (пусть и сильно ограниченная) прочтения первоначального текста(Ассман/2019, 21–22). Действительно, ИКН Северо-Западного Кавказа можно представить в виде *палимпсеста*: как сумму разнородных частей, «каждая из которых ориентируется на свою доминанту», в рамках своего контекста закрывающую все другие части культурного наследия. «В этой системе напластований одних элементов на другие нет главенствующих среди прочих, — отмечает Д.Н. Замятин с соавторами, — строго говоря, все доминанты равны»(Замятин, 208). Соответственно, верхний слой кубанского палимпсеста, содержащий факты истории формирования российского региона Кубань (Кубанская область, Краснодарский край), не должен и на самом деле не затмевает, не отменяет предшествующие исторические слои.

Выводы

Таким образом, ИКН — это всегда сложный комплекс представлений и воспоминаний, которые подвержены амнезии. Это ментальное поле, колеблющееся между усилиями памяти и имемориальным ресурсом забвения.

ИКН Северо-Западного Кавказа обладает двумя отчетливо противоположными нарративами: адыгским и кубанским. Самая радикальная смена населения в истории Кавказатак и не стала предметом рефлексии для кубанской общественно-политической мысли. Ее представители всегда смотрят на трагедию крушения Черкесии «глазами государства» — но не нынешнего, а Российской империи.

В непроявленном состоянии историческая травма 1864 года оказывала очень сильное воздействие на структуру коллективной памяти у адыгов, определяя большую часть их усилий по изучению и сохранению ИКН на протяжении позднесоветского и постсоветского периодов.

Кубанское ИКН выстраивается вокруг парадного нарратива, отстраивающегося от «дарения» Екатерины. Глорификация — это основная форма кубанского дискурса. Она дарит ощущение причастности к великим победам, одержанным малыми силами и всегда — для изгнания иноземного врага с родной земли.

Понятно, что адыгское ИКН никаким образом не встраивается в этот очень плотный и не терпящий сомнений нарратив. И для его отторжения используются техники забвения, направленные, если и не на полное стирание и утрату, то на максимальное отрицание. Для реконструкции исторического прошлого Кубани используется идея «пустой земли», ожидающей колонизации.

Соккрытие и игнорирование адыгского в рамках репрезентаций кубанского ИКН находится в прямом конфликте с историческим знанием. Достаточно очевидно, что при военно-политическом доминировании Российской империи, культурная гегемония принадлежала адыгам. Весь комплекс мужского воинского костюма, вооружения и амуниции, породы лошадей, джигитовка, агрикультура (феномен «старых черкесских садов»), гостеприимство и куначество, элементы этикета, сбереженные лесные массивы с крупными охотничьими видами — таков дар адыгской культуры полиэтничному населению Северо-Западного Кавказа.

Библиография

- Ассман/2014 — Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Ассман/2019 — Ассман А. Забвение истории — одержимость историей / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
- Верещагин Н.К. Млекопитающие Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 704 с.
- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
- Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / Пер. с англ. Т. Доброницкой, С. Кулланды. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 384 с.
- Дерлугьян Г.М. Адепт Бурдые на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 560 с.
- Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Издательство «Алашара», 1975. 528 с.
- Дмитриев В.А. Метрология и предпосылки «вечной» сакрализации мегалитических памятников // Дольмены. Современники древних цивилизаций. Мегалиты Западного Кавказа IV–II тысячелетий до н.э. Краснодар, 2001. С. 106–117.
- Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. М.: Институт Наследия, 2008. 760 с.
- Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. 480 с.
- Калугин С.Г. Зубры Северо-Западного Кавказа: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата биологических наук. (097) / Зоол. ин-т АН СССР. Учен. Совет. Майкоп: [б. и.], 1969. 23 с.
- Каменев Н. Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 2 (14 января). С. 7–8.

- Касьянов/2005 — Касьянов В.В. История Кубани. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Научная редакция издания: профессор В.В. Касьянов. Краснодар, Кубанский государственный университет. 2005. 336 с.
- Касьянов/2010 — Касьянов В.В. Предисловие // Красавица Кубань. Достопримечательности Краснодарского края и Республики Адыгея. Фотоальбом. Издание 2-е дополненное. Краснодар: И. Платонов, Когорта, 2010. 304 с.
- Козеллек/2004 — Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени»). URL.: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriej-iz-knigi-proshedshee-budushhee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni.html>
- Козеллек/2016 — Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.
- Лебедева Г.В. Память и забвение как феномены культуры // Труды преподавателей кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры: к 40-летию философского факультета / под ред. А. В. Перцева, О. Б. Ионайтис. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2005. С. 50–68.
- Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
- Миллер А. Политика исторической памяти как основа формирования коллективной идентичности и воспитания деятельного патриотизма // Стратегия XXI (версия для обсуждения). Совет по внешней и оборонной политике. С. 102–122. Available at: URL.: https://svop.ru/wp-content/uploads/2014/02/04strategy21_vospit.pdf?ysclid=lrj23j6r16514832544
- Навозова Ф.В. Краснодарский край (материалы к изучению края). Краснодар: Краевое государственное издательство, 1951. 276 с.
- Некоммерческое партнерство «Историко-культурное наследие Кубани» // Available at: <https://web.archive.org/web/20170829235912/http://www.gipanis.ru/?level=552&type=page> (последнее посещение — 21 января 2024 г.).
- Новичихин А.М. Древности Тамани: фотокнига / А.М. Новичихин [и др.]; под ред. В.Д. Кузнецова; Фото Е. Харланова, И. Платонова [и др.]. Тамань: Платонов И., 2022. 464 с.
- Попко И.Д. Черноморские козаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы. СПб.: Типография В.А. Кулиша, 1858. 292 с.
- Ратушняк В.Н. История Кубани с древнейших времен до конца XIX века. Учебник для 10-х классов общеобразовательных учреждений. Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2000. 232 с.

- Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
- Сапольски Р. Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 766 с.
- Сафронова Ю.А. Историческая память: введение. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.
- Талицкий Н. Несколько слов о кавказских дольменах // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. V. Екатеринодар, 1912. С. 92–110.
- Уварова П. Путевые заметки. Часть II: Кавказ, Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. М.: Товарищество Скоропечати А.А. Левенсон, 1891. 315 с.
- Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой; Науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: Издат-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 328 с.
- Флоровский Г.В. Пути русского богословия / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
- Шеуджен Э. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М., Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. 280 с.
- Шинкуба Б.В. Последний из ушедших / Пер. с абхаз. К. Симонова и Я. Козловского. М.: Сов. писатель, 1978. 319 с.
- Шнирельман В.А. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.
- Щетнев В.Е. История Кубани с древнейших времен до конца XX века. Учебник для высших учебных заведений. Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2004. 400 с.
- Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. 5-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 448 с.
- Юнгер Ф.Г. Ницше / Пер. с нем. А.М. Михайловского. М.: Праксис, 2001. 256 с.
- Swenson, A. The Rise of Heritage. Preserving the Past in France, Germany and England, 1789–1914. Cambridge, 2013, 413 p.